

ЛЕНА: ТА, КТО ОСТАЛАСЬ

Трент Арнольв

Трент Арнольд

ЛЕНА:ТА,КТО ОСТАЛАСЬ

«Автор»

2026

Арнольд Т.

ЛЕНА:ТА,КТО ОСТАЛАСЬ / Т. Арнольд — «Автор», 2026

Она привыкла, что её любят за то, что она делает. Она никогда не верила, что её можно любить просто так. Лена — та, к кому приходят в беде. Она не задаёт вопросов — просто ставит чайник, печёт пирожки и говорит: «Всё будет хорошо». Она держит маму. Держит работу. Держит себя, когда внутри уже ничего не осталось. Она не умеет просить. Не умеет жаловаться. Не умеет говорить «мне тяжело». Но однажды она устаёт. «Лена. Та, кто осталась» — история о женщине, которая перестала быть стеной для всех и стала дверью для себя.

© Арнольд Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТА, КТО ДЕРЖИТ	6
Глава 1. Пятница. Дождь. Офис	6
Глава 2. Дом, в котором тишина	10
Глава 3. Утро в больнице	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Трент Арнольд
ЛЕНА:ТА,КТО ОСТАЛАСЬ

Начало

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ТА, КТО ДЕРЖИТ

Глава 1. Пятница. Дождь. Офис

Пятница. Вечер. Офис на Ленина, двенадцать. Третий этаж.

За окном — апрельский дождь. Мелкий, затяжной, из тех, что превращают весну в одну бесконечную серую полосу. Он идёт уже третий день — без перерыва, без надежды на солнце. Вода стекает по стеклу сплошным потоком, размывает очертания домов напротив, превращает город в акварель, которую кто-то неосторожно залил водой.

Лена сидит за своим столом и смотрит в монитор, но не видит ни одной цифры. Перед ней — таблица с расчётами, которую нужно было сдать ещё вчера. Цифры расплываются, съезжают, отказываются складываться в понятные формулы. Она моргает, трёт глаза под очками — старыми, с потёртой оправой, купленными пять лет назад. Очки сползают на нос, но пальцы привычно поправляют их — автоматически, не задумываясь.

На столе — беспорядок, которого она не замечает. Стопка бумаг слева, пустая кружка с засохшими коричневыми разводами на дне, сломанная ручка. Среди хаоса — наклейки-напоминания: «Позвонить клиенту», «Отправить счёт», «Согласовать с поставщиком», «Встреча в 14:00», «Забрать маму из больницы?» Семь штук. Она приклеивает их каждое утро и снимает каждый вечер. Цикл. Бесконечный. Как всё остальное в её жизни.

Слева от монитора — фотография в рамке. Мама. Молодая, смеётся, волосы развеваются на ветру. Летнее платье в цветочек, деревянный забор за спиной, голубое небо. Лена не помнит, когда был сделан этот снимок — кажется, ещё до того, как умер отец. Мама тогда была другой — без седины, без морщин, без той усталости, что появилась позже. Но Лена помнит эту улыбку. Помнит, как мама смеялась в тот день. Как они поехали на речку, и мама бегала босиком по траве, как девчонка.

Сейчас мама в больнице. Лена не знает, будет ли она снова так смеяться.

Она отворачивается от фотографии. Не может смотреть. Не сейчас.

Взгляд скользит по календарю — дешёвому, с картинкой кота на каждый месяц. Апрель. Круги на числах: встречи, дедлайны, дни рождения коллег, дни, когда нужно заехать в больницу. Она помнит всё. Всегда помнит всё. Потому что если забудет она — никто не вспомнит. Никто не позвонит, не напомнит, не скажет: «Лена, ты не забыла про встречу?» Даже когда она сама устала до такой степени, что не может вспомнить, что ела на завтрак.

Она не умеет жаловаться. Не умеет просить о помощи. Не умеет говорить «мне тяжело». Она умеет только делать. И делать. И делать. Пока внутри не остаётся ничего, кроме звенящей, выжженной пустоты.

Телефон — старый, потёртый, с треснувшим экраном — лежит на столе рядом с клавиатурой. Она купила его три года назад, после того как утонул предыдущий. Тогда она уронила его в чай — тот самый, который налила и забыла выпить. Символично. Она постоянно забывает о себе. О том, что у неё есть потребности, желания, усталость.

Звонок разрывает тишину.

Телефон вибрирует, скользит по гладкой поверхности стола. Она не сразу замечает — слишком сосредоточена на таблице. Пересчитывает уже пятый раз, но каждый раз выходит разная сумма. Будто цифры играют с ней в какую-то жестокую игру.

Потом видит: незнакомый номер. Код города — тот же, что у больницы.

Сердце пропускает удар, а затем начинает биться где-то в горле — гулко, часто, тревожно. Она знает этот код. Звонки с него никогда не приносят хороших новостей.

Пальцы дрожат, когда она берёт трубку. Но голос, когда она отвечает, звучит ровно. Слишком ровно для человека, у которого дрожат руки.

— Аллю?

— Елена Николаевна? — голос чужой, женский, официальный. — Это отделение кардиологии городской больницы. Ваша мать, Смирнова Анна Петровна, находится у нас на плановом обследовании. Состояние ухудшилось. Врачи рекомендуют срочную операцию. Мы ждём вас.

— Я приеду, — говорит она, и голос её звучит как тонкое стекло — прозрачное, готовое разбиться от любого прикосновения. — Буду через час.

Она кладёт трубку, не попрощавшись. Смотрит на экран. Потом на кружку с остатками чая. Потом на фотографию мамы. Мама улыбается с того летнего дня. Она не знает, что будет. Не знает, что её дочь сейчас сидит в офисном кресле и пытается не разрыдаться.

— Мам, — шепчет Лена. — Держись.

Она встаёт. Сохраняет документ — машинально, по привычке. Закрывает ноутбук. Берёт куртку — чёрную, старую, с потёртыми локтями и оторванной пуговицей. Сумка — та же, что и всегда. Внутри — ключи, телефон, кошелёк, записная книжка, две шоколадки «на всякий случай», кусок пластыря и старая заколка.

— Лен, ты куда? — голос Ольги из соседнего кабинета. — У нас через час планёрка, забыла?

Ольга выглядывает в коридор, останавливается, видит лицо подруги. И замолкает. Она знает этот взгляд — пустой, отсутствующий. Таким Лена бывает только когда случается что-то плохое. Ольга работает с ней пять лет и научилась читать состояние по глазам.

— У меня мама в больнице, — говорит Лена, даже не пытаясь улыбнуться. — Операция. Я не могу остаться.

Ольга не спорит. Просто кивает, шагает ближе, кладёт руку на плечо Лены — тёплую, тяжёлую, успокаивающую.

— Держись, — говорит она. — Позвони, если что.

— Хорошо, — отвечает Лена.

И идёт к лифту. Не оборачиваясь.

В лифте она смотрит на своё отражение в зеркальной стене. Бледная. Глаза пустые, с красными прожилками. Под глазами — тёмные круги, не проходящие уже год. Волосы давно не крашены, у корней пробивается седина. Сорок один, а седина уже лезет. Она не красилась сегодня. Не успела.

Первый этаж. Двери открываются. Холл пустой, только охранник у входа читает книгу. Она проходит мимо, он поднимает голову, кивает — она отвечает автоматически.

Улица. Дождь встречает её холодом и ветром. Серое небо, мокрый асфальт, лужи, в которых отражается неоновая вывеска соседнего магазина. Она не берёт зонт. Никогда не берёт. Ей нравится, когда вода стекает по лицу. Это возвращает её в тело. Напоминает, что она всё ещё существует.

Машина — старая, белая, с потёртым бампером и пятнами ржавчины на крыле. «Лада Веста», двенадцатый год. Ещё муж выбирал — тогда они думали, что будут ездить вместе, в отпуск, на дачу, к друзьям. Потом муж ушёл, а машина осталась. На заднем стекле — потёртая наклейка: «Дети в машине». Детей нет. Наклейка осталась от мужа. Она не стала её снимать.

Руки на руль. Она не заводит двигатель. Просто сидит.

Дождь барабанит по крыше. Глухо, ритмично. Она считает удары — раз, два, три, четыре. Останавливается на тридцати двух. Потом сбивается и начинает заново. В голове — пустота. Но не та, освобождающая. А та, что заполнена только одним: страхом. Страхом потерять маму. Страхом остаться совсем одной.

Она закрывает глаза.

Четыре года назад. То же время. Такой же дождь.

Она ждала мужа. Должен был приехать из командировки. Ужин готов, платье надето, свечи зажжены. Годовщина — шесть лет вместе. Она хотела сделать этот вечер особенным. Хотела сказать что-то важное.

Он позвонил в восемь: «Задерживаюсь».

— Надолго?

— Не знаю. Работа. Ты же понимаешь.

Она понимала. Всегда понимала. Потому что он всегда задерживался. Потому что работа всегда была важнее.

В десять: «Ещё чуть-чуть».

В двенадцать: «Не жди, ложись спать».

Она не спала. Сидела на кухне, смотрела на свечи, которые догорали, оплывали воском. Пламя дрожало, металось, отбрасывало тени на стены. Казалось, свечи тоже плачут. Потом они погасли. Одна за другой. Она осталась в темноте.

Он приехал утром. Извинился. Сказал, устал. Работа. Ничего личного. И в тот момент она поняла: для него «ничего личного» — это про всё. Про их жизнь. Про их любовь. Про слёзы, которые она никогда не показывала.

Она кивнула. Сказала: «Всё нормально».

Всегда так говорила. Даже когда внутри всё разрывалось. Даже когда хотелось кричать, бить посуду, бежать за ним и умолять остаться. Но она не умела просить. Только давать. Только терпеть.

Он ушёл через месяц. Сказал, устал от «нормально». Что она слишком правильная. Что рядом с ней он не чувствует себя живым.

— Я устал быть идеальным, Лена. Я устал притворяться, что у нас всё хорошо.

Она не плакала. Не спорила. Просто помогла собрать вещи.

Она хотела сказать: «Я тоже устала. Я тоже не могу. Но я хочу попробовать ещё раз». Хотела, чтобы он обнял её. Хотела, чтобы он остался. Но вместо этого она сложила его футболки в чемодан, проверила, не забыл ли он паспорт, и сказала: «Ты можешь оставить ключи у соседей».

Через месяц она поняла, что ненавидит себя за это молчание. Но было поздно. Он уже жил с другой. Потом женился. Потом родил ребёнка.

А она осталась с той же квартирой, той же машиной и наклейкой «Дети в машине» на заднем стекле.

Она открывает глаза. Всё тот же дождь. Всё та же машина. Те же руки на руле.

Она выдыхает — глубоко, медленно. Заводит двигатель.

Она проезжает мимо кафе, где они сидели с мужем в первый раз. Там теперь другой ресторан. Мимо парка, где они гуляли по воскресеньям. Там теперь стройка, огромный котлован, глухой забор. Всё меняется. Всё проходит. Остаётся только она. И дождь. И пустота внутри.

Больница — старое серое здание с облупившейся краской и треснутыми ступенями. На первом этаже светятся окна — приёмный покой, там всегда кто-то есть. Она выключает мотор. Сидит.

Минуту. Две. Пять.

Она не хочет входить. Не потому что боится — она знает, что увидит. Белые коридоры, запах лекарств, смешанный с хлоркой и дешёвым освежителем, врачи с уставшими лицами и медсёстры, которые уже ничего не чувствуют. Она знает этот запах. Знает этот звук — капельницы, аппараты, шаги по линолеуму. Она выучила эти стены до каждой трещины. Десять лет назад, когда умирал отец, она провела здесь три недели. Каждый день. Каждую ночь. С тех пор больница вызывает в ней одно желание — бежать.

Но она идёт.

Потому что ей некуда идти. Потому что если она не войдёт — мама будет одна. А она не может оставить маму одну.

Как не может оставить никого.

Она выходит из машины, закрывает дверь, идёт ко входу. Дождь стекает по лицу. Холодно. Но она не чувствует холода. Только пустоту.

Запах больницы ударяет в нос. Те же стены, тот же линолеум. Только таблички на дверях сменились, а люди — другие.

Третий этаж. Реанимация. В коридоре никого — только дежурная медсестра на посту, она поднимает глаза от журнала.

— Вы к кому?

— К Смирновой Анне Петровне. Я дочь.

Медсестра кивает, листает журнал.

— Состояние стабильно тяжёлое, — говорит она. — Врач сейчас подойдёт. Подождите.

Лена кивает. Садится на скамейку — ту самую, на которой сидела десять лет назад. Та же скамейка, та же облупившаяся краска, та же пустота.

Она ждёт.

Глава 2. Дом, в котором тишина

Лена возвращается домой в час ночи.

Больница опустела. Только дежурная медсестра сидит на посту, пьёт чай из пластикового стаканчика и читает книгу. Лена прошла мимо, кивнула, надела куртку и вышла на улицу.

Дождь кончился. Небо очистилось — чёрное, с редкими звёздами, проглядывающими сквозь разрывы в облаках. Воздух стал свежим, холодным, пахло мокрым асфальтом и весной. Она постояла минуту, глядя вверх. Ей казалось, что звёзды — это глаза умерших. Бабушка так говорила. Она верила, что души уходят в небо и оттуда смотрят на нас. Лена не знала, верит ли сама. Но ей хотелось, чтобы отец видел её сейчас. Чтобы мама видела.

Она села в машину и поехала домой.

Дорога была пустой. Светофоры мигали жёлтым. Ни одной машины, ни одного пешехода — только пустой город. Она включила радио, но музыка не шла — только шипение и далёкие голоса. Она выключила его. Тишина стала громче.

Она ехала медленно. Не потому что боялась — просто не хотелось возвращаться. Дома ждала пустая квартира, тишина и бесконечные мысли. О маме. Об операции. О том, что будет, если мама не выживет. Она гнала эти мысли, но они возвращались, как волны.

Она вспомнила, как сидела в больнице десять лет назад, когда умирал отец. Как держала его руку, когда он уже не мог говорить. Как смотрела на его лицо, становящееся всё бледнее, пока он не исчез совсем. Как потом они сидели с мамой на кухне и молчали. Часами. Днями. Мама не плакала. Лена тоже.

Она не умела плакать. Она умела только молчать и ждать.

Старая пятиэтажка с облупившимся фасадом и покосившейся дверью в подъезд. Она припарковалась на привычном месте — между двумя белыми машинами, стоявшими здесь уже несколько лет. Владельцев она никогда не видела. Соседи — чужие люди, живущие рядом, но не замечающие друг друга.

Тёмная лестница. Лампочка перегорела ещё месяц назад, ЖЭК не торопился её менять. Она знала каждую ступеньку наизусть, могла пройти с закрытыми глазами. Так и делала — считала ступеньки: раз, два, три, четыре, поворот, пять, шесть, семь, восемь. Дверь. Ключ. Замок щёлкает громко в ночной тишине.

Квартира встретила её темнотой и тишиной. Густой, такой, что можно резать ножом. Она включила свет в прихожей — тусклая лампочка мигнула, загорелась ровным жёлтым светом. Повесила куртку, сняла кроссовки и прошла в гостиную.

Всё на своих местах. Диван, купленный в первый год совместной жизни. Телевизор, который он смотрел по вечерам, пока она сидела рядом и молчала. Торшер, найденный на барахолке — ей нравился, потому что был похож на тот, что стоял у бабушки. Книжный шкаф с книгами, которые она никогда не перечитывала, но не могла выбросить. Часть жизни. Часть прошлого.

Дом. Но не уют. Стены и мебель.

Она прошла в гостиную, села на диван. Света не включала. Сидела в темноте, смотрела в окно — на огни города, размытые мокрым стеклом. Где-то там, в этих огнях, была больница. Где-то там была мама. Она не знала, что с ней сейчас. Не знала, будет ли она жить. Не знала, что будет завтра.

Она сидела долго. Минут двадцать. Может, час. Просто сидела и смотрела.

Потом встала, прошла на кухню. Включила чайник. Достала кружку — единственную, которую не убрала в шкаф. Надпись: «Лучшей маме». Мамин подарок. Мама всегда говорила: «Ты будешь лучшей мамой, Лена». Лена улыбнулась — грустно, одними губами. Мама не знала, что дочь не стала мамой. Что у неё никого нет.

Чайник закипел. Она заварила ромашковый чай — тот, что пила, когда не могла уснуть. Села на подоконник, обхватила кружку руками. Горячо. Почти обжигает. Но она не убирала руки — хотела чувствовать боль. Хотя бы такую. Физическую.

За окном — город. Огни. В домах напротив горели окна — кто-то жил своей жизнью, кто-то смотрел телевизор, кто-то сидел на кухне. Сколько таких, как она? Тех, кто ждёт звонка? Тех, кто привык быть один? Тех, кто улыбается, когда внутри пустота?

Она думала о маме. Вспоминала, как в детстве они сидели на кухне и пили чай. Как мама рассказывала истории — о своей молодости, о встрече с отцом. Мама улыбалась, когда говорила о прошлом. Лена смотрела на неё и думала: «Я хочу быть такой же. Сильной. Уметь улыбаться, даже когда тяжело».

Она стала такой. Научилась улыбаться. Но внутри — пустота.

В ванной она умылась холодной водой. Посмотрела на себя в зеркало. Бледная. Взгляд усталый. Волосы давно не стрижены. Под глазами круги. Она выглядела старше своих сорока одного.

— Завтра будет новый день, — сказала она отражению. — Ты справишься.

Глава 3. Утро в больнице

Лена проснулась в шесть утра. Она не слышала будильника — просто открыла глаза и поняла, что не спит. Тело чувствовало: сегодня важный день. Сегодня решается, будет ли мама жить.

Она надела халат, прошла на кухню. Включила чайник — автоматически. Руки помнили, что делать, даже когда голова была пустой. Заварила чай, но не пила — просто держала кружку, грела руки. Смотрела в окно на серое утро.

Сегодня не было дождя. Небо чистое, бледно-голубое — такое бывает ранней весной, когда снег уже сошёл, а трава ещё не выросла. Солнце только вставало, бросало длинные тени на асфальт. Она смотрела на этот свет и думала: «Хоть бы она увидела его».

Она оделась быстро — джинсы, свитер, куртка. Вспомнила про пирожки. Накануне вечером, когда не могла уснуть, она встала и замесила тесто. Она не знала, зачем. Просто руки просили работы. Теперь пирожки лежали в духовке, остывшие, аккуратно сложенные в полотенце. Она завернула их, положила в сумку.

Мама любила её пирожки. Говорила: «Твои пирожки — как объятие, Леночка. Тёплые, мягкие, уютные». Лена улыбнулась этой мысли. Она хотела, чтобы мама попробовала их сегодня.

Дорога была пустой — только редкие машины, ранние автобусы, люди, спешащие на работу. Она ехала медленно, не торопясь. Хотела оттянуть момент, когда войдёт в больницу. Но машина сама везла её туда, по знакомой дороге.

Больница. Она припарковалась на том же месте. Сидела в машине, смотрела на здание. Выходить не хотелось.

Но она вышла.

Запах ударил в нос снова. Хлорка, лекарства, дешёвый освежитель. Она поднялась на третий этаж. У двери палаты стояла медсестра.

— Елена Николаевна? Ваша мама ещё спит. Состояние стабильное. Врач сказал, она может проснуться в ближайшие часы.

— Я подожду.

Она села на скамейку, достала книгу. Но не читала. Просто смотрела на дверь палаты.

Ждать — самое трудное. Она знала это с детства. Когда отец был в больнице, она сидела на этой же скамейке и ждала. Три недели. Каждый день, каждый час. Ждала чуда, которое не случилось. Отец умер, и она поняла: чудеса не случаются. Есть только надежда. И она цепляется за неё, даже когда всё безнадежно.

Она вспоминала, как мама учила её печь пирожки. Как бабушка говорила: «Пирожки — это любовь, Леночка. Когда печёшь — вкладываешь в них сердце». Как мама пела колыбельные. Как мама всегда была рядом.

Она не могла представить жизнь без мамы. Мама была её опорой, якорем, домом. Даже когда муж ушёл, мама была рядом. Даже когда всё рушилось, мама стояла на своём месте. Она не знала, что будет, если мама уйдёт.

Через час дверь палаты открылась. Врач вышел, увидел Лену, улыбнулся.

— Проснулась. Хотите войти?

Она встала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.